

столько с собственной жизнью, сколько с безрадостной рабской долей болгарского народа под властью османских турок».⁷⁹

«Житие грешного Софрония» — это прежде всего агитационный документ, и в этом отношении К. Мечев ближе к истине, чем П. Орешков и В. Киселков, и хотя мы не видим следов прямого воздействия творчества Аввакума на Софрония, между ними есть то общее, что оба они обращаются к своим читателям — современникам как идеологические вожди. Этим определяется характер изложения, отбор жизненных эпизодов. Для Софрония совсем неважно рассказать о поучительных встречах, о психологических коллизиях — ему прежде всего важно сказать и показать на примере своей собственной жизни, что жить под турецким ярмом больше невозможно.

Житие было написано Софронием в преддверии сербского восстания 1804 г., в разгар освободительного антитурецкого движения в Греции и Румынии, незадолго до начала русско-турецкой войны — и этим объясняется его обличительный пафос, направленный против турецких поработителей и греческого духовенства. Житие, так же как и книга с трех религиях в целом, как «Недельник» и другие литературные работы Софрония, тесно связаны с политической ролью, которую играл в это время Софроний, будучи председателем тайного болгарского революционного комитета, ставившего своей главной задачей организацию национально-освободительной борьбы на территории Болгарии. Все литературные работы Софрония в этот период времени преследуют одну и ту же цель — пробудить поработенную Болгарию к решительной и самоотверженной борьбе за национальную свободу.

Итак, подведем некоторые итоги. Анализ сборника, посвященного трем религиям, и прежде всего характер переводческой деятельности Софрония, открывает нам еще одну страницу в истории болгаро-русско-румынских политических, культурных и литературных связей XVIII—начала XIX в. и расширяет уже имеющиеся данные о характере воздействия русской и румынской литературы на литературную деятельность Софрония.

Несомненно, что для Софрония знакомство с сочинением Д. Кантемира оказалось плодотворным не только в политическом, но и в литературном плане.⁸⁰ Живая непринужденная манера изложения Кантемира способствовала дальнейшему формированию литературного стиля самого Софрония.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тука да скажим една фабула, що я вси турци непрестанно говорят: някой време ималы росианы сас турците войска баталиа и единь мохамеданин упадналь роб у росианьте и узель го единь великий господар и служиль у домь его. Ала оный господарь ималь дщера и била пришла на возраст, и тая като гледала оного юноша мохамеданина како са всякоги кланяль по турецкому обычаю и добре держаль веру свою, почто был человек учень турецким книгама. Оная девойка, говорят, като го гделала всякоги, возлюбила и того, и веру мохамеданскую аресала, и хочела да поиде||следь него. Ала са случи и разболяса оная девойка, и като виде

Л. 379

⁷⁹ К. Мечев. Протопоп Аввакум, стр. 365; см. также: В. Конобеев. Русско-болгарские отношения в 1806—1812 гг. — В кн.: Из истории русско-болгарских отношений. М., 1958, стр. 202.

⁸⁰ У Кантемира, возможно, он заимствует форму обращения к читателю, а также самую идею сборника.